

Д.О. Котовская (Уфа, Россия)

Роль и значение образа-символа огня в творчестве Л.Н. Андреева

Аннотация: Статья посвящена исследованию содержания образа-символа огня в творчестве Л.Н. Андреева. Базой для анализа стали произведения писателя, принадлежащие к разным этапам его творческого пути («Загадка», «Рассказ о Сергее Петровиче», «Бездна», «Набат», «Мысль», «Жизнь Василия Фивейского»). Результаты исследования показывают, что Л.Н. Андреев, выражая традиционное представление об огне как символе сильной эмоции в ранней прозе, в поздних произведениях наполняет этот образ-символ принципиально новым содержанием, связывая его с безумием, трактуемым писателем в романтическом ключе. Проводится параллель с новеллой «Песочный человек» Э.Т.А. Гофмана, наполняющим образ-символ огня схожим содержанием. В контексте эпохи и отечественной традиции Л.Н. Андреев оказывается ближе к группе художников, трактующих образ огня как символ разрушения, апокалипсиса, дьявола (Ф. Сологуб, А. Блок, И. Бунин).

Ключевые слова: Леонид Андреев, образ огня, безумие, романтизм, символ

D.O. Kotovskaya (Ufa, Russia)

Role and Meaning of the Image-symbol of Fire in Leonid Andreyev's Creative Works

Abstract: The article is devoted to researching matter of the image-symbol of fire in Leonid Andreyev's creative works. The base of analysis is writer's works from different stages of his creative path ("The Riddle", "The Story of Sergey Petrovich", "The Abyss", "The Tocsin", "The Thought", "Life of Basil of Thebes"). The conclusions show that Andreyev expresses the traditional idea of fire as a strong emotion in early prose and fills the image-symbol with a fundamentally new content in later works by linking it with madness interpreted in a way of romanticism. The parallel is drawn between creative works of Andreyev and a short story "The Sandman" by E.T.A. Hoffmann, who fills the image-symbol of fire with a similar content. In the context of the epoch and Russian tradition Andreev is closer to the group of artists who interpret the image of fire as a symbol of the destruction, the apocalypse, the devil (Fyodor Sologub, Alexander Blok, Ivan Bunin).

Key words: Leonid Andreyev, image of fire, madness, romanticism, symbol

А. Ханзен-Леве, характеризуя специфику образа огня в литературе русского символизма, отмечает «изначально амбивалентный характер огня как жизнесозидающего и одновременно уничтожающего начала»¹. Действительно, в русской поэзии Серебряного века образ огня предстает как двойственный: у К. Бальмонта это символ страсти, жизни, у Ф. Сологуба же, А. Блока огонь являет собой символ дьявола, греховности. Амбивалентность образа отразилась и в поэзии А. Белого: с одной стороны, для поэта огонь – это символ жизни, страсти, а с другой – символ смерти, апокалипсиса. Образ-символ огня появляется и в произведениях многих прозаиков этого периода: у Горького формируется романтическое восприятие огня как идеала любви к людям, у Бунина встречаем негативную трактовку огня как разрушительной силы, а у Куприна вновь проявляется амбивалентность образа огня: это, с одной стороны, огонь любви и страсти, а с другой – адский огонь. В целом, образ огня становится значимым для искусства Серебряного века, где он также приобретает разные коннотации: в музыкальной поэме «Прометей» («Поэма огня») А. Скрябин создает образ очищающего пламени, способного привести человечество в царство счастья и красоты, а Н. Рерих создает картины, где огонь предстает как божественная кара («Ангел последний» (1912)) и как символ божественных сил («Чудо. (Явление Мессии)» (1923)).

Особое место образ-символ огня занимает в творчестве Л.Н. Андреева, поэтика произведений которого характеризуется синтезом разных художественных методов: это реализм, экспрессионизм, импрессионизм, символизм. Изучение данного образа-символа в произведениях Андреева представляется перспективным в силу его неисследованности: уже отмечены вниманием исследователей такие образы-символы, как смех, стена, ложь, бездна, тьма (С.С. Нашатырева²), тишина, безумие (Ю.И. Гольман³), дорога (жизненный путь), одиночество, рок и страх (Э.Ф. Рафикова⁴), а образ-символ огня до сегодняшнего дня еще не интересовал ученых. Между тем образ-символ огня становится сквозным в творчестве Л.Н. Андреева и возникает уже в ранних рассказах писателя, где отражается традиционное представление об огне как неожиданной и сильной эмоции. Обратимся к одному из ранних рассказов Андреева «Загадка». Главный герой, Сергей Болотин, ощущает, как «этот проклятый ужасный удар»⁵ «жжет его, разбивает всю голову»⁶. Эмоции, которые испытывает главный герой, весьма сильны, и образ огня возникает еще раз, повторяется уже в следующих предложениях: «Он не чувствует злобы к Юрию Дмитриевичу, он забыл его, но этот удар – он жжет его, терзает»⁷. Затем приходит «какая-то великая, страшная мысль»⁸: это мысль о существовании смерти и непознаваемого, ее не под силу перенести Сергею, и он заканчивает жизнь самоубийством. Это неслучайно: в ранней прозе уже формируется связь образа огня с непознаваемым, дьявольским – и с безумием.

¹ Ханзен-Леве А. Мифопоэтический символизм. СПб.: Академический проект, 2003. С. 273.

² Нашатырева С.С. Образы-символы в рассказах Леонида Андреева 1900-х годов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 78–82.

³ Гольман Ю.И. Значение образа-символа для создания психологизма в повести Л.Н. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2011. № 6. С. 127–132.

⁴ Рафикова Э.Ф. Сюжетообразующие образы-символы и мотивы в повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство. Уфа, 2017. С. 115–125.

⁵ Андреев Л.Н. Загадка [Электронный ресурс] // Электронная библиотека М. Мошкова: az.lib.ru/a/andreew_1_n/text_1895_zagadka.shtml (дата обращения: 12.03.2021).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

В «Рассказе о Сергее Петровиче» (1900) огонь все еще представляет собой символ сильной эмоции, чувства: «С новой силой вспыхнул жгучий стыд, и пламя его испепелило самую память о минутном приступе страха»¹. Появляется новое значение: огонь становится символом осознания страшной истины. Это осознание находится близко к безумию; такая коннотация образа-символа огня получит выражение и в дальнейшем творчестве Андреева. Осознание главным героем Сергеем Петровичем своих жизненных обстоятельств под влиянием ницшеанских идей Андреев описывает так: «Было похоже на то, как будто к пороховому бочонку приложили огонь, а долго ли тлел фитиль, он не знал. Но он знал, кто зажег его. Это было видение сверхчеловека, того непостижимого, но человеческого существа, которое осуществило все заложенные в него возможности»². Этот образ появится еще раз в конце повести, когда Сергей Петрович решится на самоубийство, что подтверждает тезис о надвигающемся безумии героя. Образ зарева пожара, возникающий в момент осознания Сергеем Петровичем своей ничтожности, тоже неслучаен. Герой осознает катастрофичность своего положения, но принимает неизбежное; образ огня оказывается связан с апокалиптическими мотивами. Зарево пожара, катастрофа, безумие – все это отразится и в рассказе Андреева «Набат» («Странное то было видение <...>. И при ярком свете его Сергей Петрович рассматривал свою жизнь, и она казалась совсем новой и интересною, как знакомое лицо при зареве пожара»³).

В рассказе «Бездна» (опубликовано 24 ноября 1901 г., авт. дата 1902) образ-символ огня играет не столь значительную роль, появляясь в начале и в конце рассказа. В начале рассказа читаем: «Впереди, на пологом холме, темнела небольшая роща, и сквозь ветви деревьев красным раскаленным углем пылало солнце, зажигало воздух и весь его превращало в огненную золотистую пыль»⁴. В данном случае можно говорить о контаминации образов-символов огня и солнца; образ солнца у Андреева символизирует одиночество, безумие, часто – грядущий апокалипсис («И еще раз заходило солнце. Тяжело пламенеющим шаром скатывалось оно книзу, зажигая небо, и все на земле, что было обращено к нему»⁵, повесть «Иуда Искариот»). Цитата свидетельствует о контаминации образов-символов огня и солнца как о еще одной тенденции в творчестве Андреева; контаминация становится возможна в силу схожих характеристик образов (солнце и огонь – источник тепла, солнечный свет порой перетекает в пламя), а также значений, которыми эти образы наделяет Андреев: безумие может символизировать и пламя, и солнце. В конце рассказа образ-символ огня появляется снова, непосредственно перед падением Немовецкого: «На один миг сверкающий огненный ужас озарил его мысли, открыв перед ним черную бездну»⁶. Вновь осуществляется контаминация образов-символов огня и солнца, на что указывает употребление глагола «озарить» в значении «ярко осветить»⁷; кроме того, ужас в предложении характеризуется как «сверкающий», ослепляющий, что также уподобляет его злему, апокалипти-

¹ Андреев Л.Н. Рассказ о Сергее Петровиче // Молчание: рассказы, повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 64.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 41.

⁴ Андреев Л.Н. Бездна // Молчание: рассказы, повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 91.

⁵ Андреев Л.Н. Иуда Искариот // Молчание: рассказы, повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 330–331.

⁶ Андреев Л.Н. Бездна. С. 107.

⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2004. С. 448.

ческому солнцу. Солнце открывает герою бездну, в которую он погрузится, если позволит своим инстинктам взять верх над разумом; здесь вновь возникает значение образа-символа огня как осознания страшной истины, однако катастрофа все же свершается.

В рассказе «Набат» (1901) образ-символ огня становится одним из равноправных героев произведения. В то же время использование его вновь позволяет Андрееву создать картину судного дня. Возникает и второй самостоятельный образ, вырастающий из образа-символа, – набат. Использование образов-символов, становящихся самостоятельными героями произведения, попытка запечатлеть сиюминутные впечатления, которые испытывает человек, ставший свидетелем бесконечных пожаров (что указывает на наличие импрессионистской поэтики в рассказе), – все это убедительно демонстрирует осуществляющийся в рассказе синтез художественных методов, являющийся одной из основных черт поэтики прозы Андреева. Важность импрессионистской поэтики в рассказе подчеркнул и Л. Троцкий (псевд. Антид Ото), в то же время отметив, что рассказ напомнил ему стихотворение Э. По «Колокольчики и колокола»¹. На возможность интертекстуальных связей с творчеством По указывает и неподдельный интерес самого Андреева к произведениям писателя; многие писатели-современники и литературные критики эпохи отмечали общность авторской картины мира Андреева и По: «...его не без основания ставили рядом с Эдгаром По, которого он знал, любил»² (Б.К. Зайцев); «Сколько-нибудь внимательное изучение Андреева не может обойтись без сопоставления его с отцом “литературы ужасов” Эдгаром По»³ (С.А. Венгеров). Итак, сопоставление с Эдгаром По оказывается важным для понимания рассказа и роли образа-символа огня: интертекстуально рассказ Андреева, вероятно, связан с третьей частью стихотворения По, в которой описывается звон колокола из-за пожара. Эта связь осуществляется как на уровне фабул (По тоже описывает ночной пожар и сигнал тревоги, подаваемый с помощью набата), так и на уровне образов героев: у По огонь и набат также выступают в качестве самостоятельных героев. Возникает контраст неба и огня, появляется образ луны: ср. «И как будто говорит: / – Я хочу / Выше мчаться, разгораться, встречу лунному лучу»⁴ (По) – «В розовом сиянии неба померкли над головой звезды, и в саду было страшно светло, как не бывает ни днем, ни в царственные лунные ночи»⁵ (Андреев). Набат у По и у Андреева плачет, воеет: ср. «Что разорванные звоны, неспособные звучать, / Могут только биться, виться, и кричать, кричать, кричать!»⁶ – «В предсмертных муках задыхался колокол и кричал, как человек, который не ждет уже помощи и для которого уже нет надежды»⁷. Однако Андреев создает и новый образ, отличный от тех, которые предлагает По. Например,

¹ Чуваков В.Н. Комментарий: Леонид Андреев. Набат // Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 610–611.

² Книга о Леониде Андрееве: воспоминания М. Горького, К. Чуковского, А. Блока, Георгия Чулкова, Бор. Зайцева, Н. Телешова. Е. Замятина, Андрея Белого. 2-е изд., доп. Берлин; М.; СПб.: Издательство З.И. Гржебина, 1922. С. 132.

³ Венгеров С.А. Андреев, Леонид Николаевич // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Доп. Т. 1. СПб.: Типография акционерного общества Брокгауз-Ефрон, 1905. С. 118.

⁴ Бальмонт К.Д. Колокольчики и колокола // Бальмонт К.Д. Из мировой поэзии. Берлин: Слово, 1921. С. 83.

⁵ Андреев Л.Н. Набат // Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 338.

⁶ Бальмонт К.Д. Колокольчики и колокола. С. 83.

⁷ Андреев Л.Н. Набат. С. 342.

рядом с образом огня появляется образ огненного коня, тоже становящийся героем произведения: «Там, за прихотливой линией черных деревьев, то круглых, то острых, как пики, взвивалось ослепительное пламя, загибалось горделиво шею, как взбесившийся конь, прыгало, отбрасывало от себя в черное небо огненные клочки и хищно нагибалось вниз за новой добычей»¹. Образ огненного коня вызывает ассоциацию, связанную с концом света: вспоминается легенда о всадниках апокалипсиса. Этот прием работает на авторскую концепцию, помогая Андрееву создавать картину конца света, отсутствующую в стихотворении По. Кроме того, в рассказе Андреева возникает мотив двойничества, тоже связанный с образом огня: «...на меня из черной бездны глядел призрак огненного человека, и в искаженных чертах его лица, в разметавшихся волосах, точно приподнятых на голове какой-то страшной силой, – я не мог узнать самого себя»². Итак, используя образы героев из стихотворения По, Андреев в своем рассказе создает и новые образы, вплетает мотивы, которые рожают новые оттенки значений и работают на авторскую концепцию мира как места, где случился апокалипсис.

Значение образа огня как безумия, сочетающего в себе элементы осознания страшной истины, получит яркое выражение в рассказе Андреева «Мысль» (1902). «Огненный след»³ оставляет «кошмар того вечера»⁴, когда главный герой, доктор Керженцев, осознает, что не притворяется сумасшедшим, а действительно сходит с ума. В этот момент Керженцев находится в пограничном состоянии между двумя мирами: «Если когда-нибудь одному из вас придется пережить то, что пережил я в эту ночь, завесьте зеркала в той комнате, где вы будете метаться. Завесьте так же, как вы завешиваете их тогда, когда в доме стоит покойник»⁵. Это дает основание воспринимать «огненный след» кошмара Керженцева как ответ адского пламени: вновь образ огня позволяет Андрееву создать убедительную картину апокалипсиса.

Значимую роль играет образ-символ огня в повести Андреева «Жизнь Василия Фивейского» (1903). Сны Фивейского писатель описывает так: «Мучительные, дикие сны огненной лентой развивались под его [Фивейского] черепом»⁶. Чем сильнее Фивейский сходит с ума, тем больше замечает, что «ум и сердце его уже плавилось на огне непознаваемой правды»⁷. Безумие в интерпретации Андреева трансформируется в мистическую истину, только в силу людской ограниченности воспринимающуюся как безумие: огонь уже символизирует не только ад, но и вообще иной, далекий от человека мир, доступный, по Андрееву, лишь безумцам и мертвецам (принцип двоимирия и концепция личности сближают Андреева с писателями-романтиками). В момент зачатия сына-идиота безумие «оживает», а его «глазами» становится огонь: «Само безумие стояло у дверей; его дыханием был жгучий воздух, его глазами – багровый огонь лампы»⁸. В финале повести в связи с образом огня вновь возникают апокалиптические мотивы: «Небо охвачено огнем <...>. И оттуда, из огненного клубящегося хаоса, несется огромный громopodobный хохот, и треск, и крики дикого веселья»⁹. Появляется еще один, ведущий

¹ Андреев Л.Н. Набат. С. 339–340.

² Андреев Л.Н. Набат. С. 340.

³ Андреев Л.Н. Мысль // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 411.

⁴ Там же.

⁵ Андреев Л.Н. Мысль. С. 409.

⁶ Андреев Л.Н. Жизнь Василия Фивейского // Молчание: рассказы, повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 141.

⁷ Андреев Л.Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 131.

⁸ Андреев Л.Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 117.

⁹ Андреев Л.Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 193.

в творчестве Андреева образ-символ смеха: переплетаясь с образом-символом огня, он позволяет писателю воплотить представление о божьей каре.

Таким образом, образ-символ огня, являющийся сквозным в творчестве Андреева, наделяется новыми смыслами на каждом этапе творческого пути писателя. В свете двух тенденций, связанных со значением образа огня в литературе Серебряного века, Андрееву, безусловно, близка вторая, когда огонь понимается как разрушение, дьявольское начало, апокалипсис, однако он придает образу огня и совершенно новое значение: безумие, сочетающее в себе элементы осознания страшной истины и непознаваемой правды (андреевское понимание человека и феномена безумия роднит его с романтиками). Тезис о романтической природе образа огня Андреева подтверждается образом огня, который мы находим у одного из немецких писателей-романтиков, Э.Т.А. Гофмана (новелла «Песочный человек»): «И тут безумие впустило в него огненные свои когти и проникло в его душу, раздирая его мысли и чувства. “Живей-живей-живей, – кружись, огненный круг, кружись, – веселей-веселей, куколка, прекрасная куколка, – живей, – кружись-кружись!”»¹. «Огненный круг», который видит главный герой Натаналь, становится символом его безумия – и одновременно дьявольского, темного начала. Образ-символ огня в творчестве Андреева заинтересовал нас в качестве предмета исследования, так как он является сквозным в творчестве писателя и обнаруживается как в его ранних, так и в более поздних рассказах; занимает особое место в литературе и культуре Серебряного века. Сохраняя связь с классическими традициями, воплощая в своих ранних произведениях сформированное веками представление об огне как о сильной эмоции, Андреев наполняет образ огня новым содержанием. Таким образом, образ-символ огня воплощает картину мира Андреева, его уникальное, во многом романтическое мировидение, в рамках которого истину способны понять лишь безумцы; исследование романтических тенденций в творчестве писателя являет собой дальнейшую перспективу исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Л.Н. Бездна // Молчание: рассказы, повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 91–107.

Андреев Л.Н. Жизнь Василия Фивейского // Молчание: рассказы, повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 108–194.

Андреев Л.Н. Загадка [Электронный ресурс] // Электронная библиотека М. Мошкова: az.lib.ru/a/andrew_1_n/text_1895_zagadka.shtml (дата обращения: 12.03.2021).

Андреев Л.Н. Иуда Искариот // Молчание: рассказы, повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 329–401.

Андреев Л.Н. Мысль // Андреев Л.Н. Собр. соч: В 6 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 382–421.

Андреев Л.Н. Набат // Андреев Л.Н. Собр. соч: В 6 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 337–342.

Андреев Л.Н. Рассказ о Сергее Петровиче // Молчание: рассказы, повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 31–65.

¹ *Гофман Э.Т.А.* Собр. соч.: В 6 т. / Пер. с нем., коммент. А. Ботниковой и В. Микушевича. Т. 2. М.: Художественная литература, 1994. С. 321.

Бальмонт К.Д. Колокольчики и колокола // Бальмонт К.Д. Из мировой поэзии. Берлин: Слово, 1921. С. 81–83.

Венгеров С.А. Андреев, Леонид Николаевич // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Доп. Т. 1. СПб.: Типография акционерного общества Брокгауз-Ефрон, 1905. С. 115–118.

Гольман Ю.И. Значение образа-символа для создания психологизма в повести Л.Н. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2011. № 6. С. 127–132.

Гофман Э.Т.А. Собр. соч.: В 6 т. / Пер. с нем., коммент. А. Ботниковой и В. Микушевича. Т. 2. М.: Художественная литература, 1994. 445 с.

Книга о Леониде Андрееве: воспоминания М. Горького, К. Чуковского, А. Блока, Георгия Чулкова, Бор. Зайцева, Н. Телешова. Е. Замятина, Андрея Белого. 2-е изд., доп. Берлин; М.; СПб.: Издательство З.И. Гржебина, 1922. 179 с.

Наиштырева С.С. Образы-символы в рассказах Леонида Андреева 1900-х годов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 78–82.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.

Рафикова Э.Ф. Сюжетобразующие образы-символы и мотивы в повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство. Уфа, 2017. С. 115–125.

Ханзен-Леве А. Мифопоэтический символизм. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.

Чуваков В.Н. Комментарий: Леонид Андреев. Набат // Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 610–611.

REFERENCES

Andreyev L.N. Judas Iscariot. In: Silence: short stories, novellas. St. Petersburg. Azbuka, Azbuka-Attikus Publ. 2018, pp. 329–401.

Andreyev L.N. Life of Basil of Thebes In: Silence: short stories, novellas. St. Petersburg. Azbuka, Azbuka-Attikus Publ. 2018, pp. 108–194.

Andreyev L.N. The Abyss. In: Silence: short stories, novellas. St. Petersburg. Azbuka, Azbuka-Attikus Publ. 2018, pp. 91–107.

Andreyev L.N. The Riddle. In: Maksim Moshkow's Library: az.lib.ru/a/andreew_1_n/text_1895_zagadka.shtml (date accessed: 12.03.2021).

Andreyev L.N. The Story of Sergey Petrovich. In: Silence: short stories, novellas. St. Petersburg. Azbuka, Azbuka-Attikus Publ. 2018, pp. 31–65.

Andreyev L.N. The Thought. In: Andreyev L.N. Works: In 6 vols. Vol. 1. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1990, pp. 382–421.

Andreyev L.N. The Tocsin. In: Andreyev L.N. Works: In 6 vols. Vol. 1. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1990, pp. 337–342.

Balmont K.D. The Bells. In: From the World of Poetry. Berlin. Slovo Publ. 1921, pp. 81–83.

Chuvakov V.N. Commentary: Leonid Andreev. Nabat. In: Andreyev L.N. Works: In 6 vols. Vol. 1. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1990, pp. 610–611.

Golman U.I. Meaning of Character-Symbol for Development Psychologism in the Story “Life of Basil of Thebes” by L.N. Andreev. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 2011. No 6, pp. 127–132.

Hansen-Leve A. (2003) *Mythopoetic Symbolism*. St. Petersburg. Akademicheskyy Proekt Publ. 816 p.

Hoffmann E.T.A. Works: In 6 vols. Vol. 2 / Translation from German, comments were prepared by A. Botnikova and V. Mikushevich. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1994. 445 p.

Nashatyreva S.S. The Images-symbols in the Short Stories of Leonid Andreev of the 1900-s years. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2012. No 12, pp. 78–82.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. (2004) *Dictionary of the Russian Language*. 4th ed. Moscow. A Temp Publ. 944 p.

Rafikova E.F. Plot-forming Images-symbols and Motifs in L. Andreev’s Short Story “Life of Basil of Thebes”. In: *Contemporary Problems of Literary Studies, Linguistics and Communication Studies through the Eyes of Young Scientists. Traditions and Innovation*. Ufa. 2017, 115–125 pp.

The Bbook about Leonid Andreyev: Memories of Maxim Gorky, Korney Chukovsky, Alexander Blok, Georgy Chulkov, Boris Zaytsev, Nikolai Teleshov, Yevgeny Zamyatin, Andrei Bely. 2th ed. Berlin. Moscow; St. Petersburg. Grzhebin Z.I. Publ. 1922. 179 p.

Vengerov S.A. Andreyev, Leonid Nikolaievich. In: *The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. Vol. 1, add. St. Petersburg. Printing House of Brockhaus and Efron’s Joint-stock Company. 1905, pp. 115–118.

Сведения об авторе:

Дарья Олеговна Котовская,
магистрант
филологический факультет
Башкирский государственный
университет

Darya O. Kotovskaya,
Master’s Student
Philological Faculty
Bashkir State University

prince.amelian@gmail.com